

Необходимость более основательного воспитания в современной школе¹

Генрих
Песталоцци

Иоганн Генрих Песталоцци (1746–1827), выдающийся швейцарский педагог-демократ, свыше 50 лет своей жизни посвятил воспитанию и обучению детей. Он внёс существенный вклад в историю развития прогрессивной педагогической мысли и выступил одним из основоположников методики начального обучения.

Педагогические идеи Песталоцци неотделимы от его практической деятельности по обучению и воспитанию детей, которой он в течение всей жизни с энтузиазмом отдавал свои физические и душевные силы. Руководя на протяжении трети века учебно-воспитательными учреждениями в Нейгофе и Станце, Бургдорфе и Ивердоне, Песталоцци систематически осуществлял педагогическое экспериментирование, которое послужило фундаментом для разработки его теории трудового воспитания и элементарного образования, а также идей развивающего школьного обучения.

Публикуемые ниже мысли выдающегося классика педагогики посвящены проблеме нравственного воспитания детей, столь актуальной сегодня. На основе многолетнего опыта и теоретических размышлений

¹ *Песталоцци И.Г.* Избранные педагогические сочинения /под ред. В.А. Ротенберг, В.М. Кларина. Том второй. М.: Педагогика, 1981.

Песталоцци высказал глубокую уверенность в необходимости стремиться к тому, чтобы успехи детей в нравственном воспитании «шли впереди средств, формирующих способность мышления». Только в этом случае, убеждён классик, нравственное воспитание вырабатывает у детей иммунитет к вредным для них влияниям, «предупреждает проникновение зла в душу ребёнка и само возникновение влечения к злу». «Как отдельный человек, — пишет Песталоцци, — так и целый век могут иметь очень крупные успехи в познании истины, но в то же время сильно отстать в стремлении к добру». Эти слова сказаны почти двести лет тому назад, но как будто имеют в виду наш век.

Мы говорим о прогрессе самоуверенности больше, чем все предшествовавшие нам поколения; мы опьяняемся мощными триумфами науки и техники, но забываем спросить себя, не обнаруживаем ли мы застоя или даже попятного движения в самом важном: в господстве человека над естественными силами своей внутренней природы, во власти личности над жизнью и судьбой. Или не приобретает ли среда всех успехов духа материального ужасающую власть над нашей жизнью, не распространяет ли среда всех наших знаний все более и более грубое неведение добра и зла?

Конечно, этим указанием не умаляются великие достижения естественно-научного века, мы должны только осознать с неумолимой ясностью, что все эти достижения могут быть благотворными лишь в том случае, если находят могучий противовес в образовании души и воспитании характера. Иначе существует опасность, что вся наша власть над силами природы окажется только средством материальной утончённости и морального одичания. Чем больше мы овладеваем миром материальных благ с его соблазнами, его неугомностью и его неистощимым возбуждением всё новых потребностей, тем настоятельней становится необходимость значительного укрепления и углубления духовной стороны нашей природы. И притом не только в интересах сохранения идеальных благ, но и интересах технической культуры, которая ведь и сама опирается на этическую воспитательную работу долгих веков, в течение которых на переднем плане культуры стояли обуздание внутреннего человека, техника самоопределения, педагогика жертвы, внушение любви. Мы теперь точно сыновья богатого дома, которые беззаботно продают капитал прошлого, не имея ни малейшего представления о моральных условиях и подготовки их блестящего обеспечения. Так то и мы пользуемся технической культурой, но упускаем из вида планомерную дальнейшую заботу о её нравственных условиях, забываем, до какой степени высокоразвитая кооперация современной хозяйственной жизни зависит от сил характера — чувства ответственности, добросовестности, социального воспитания, самообладания.

Ясно, что воспитатели нового поколения прежде всего обязаны подготовить в этом направлении поворот к более серьёзному отношению. Хотя принципиальное уразумение цели и средств такого поворота ещё отнюдь не стоит на надлежащей высоте, однако же всюду начинают всё больше понимать пагубную односторонность современной школы интеллекта. Требование более государственного воспитания юношества, педагогическая пропаганда сельских пансионеров, стремление усилить значение искусства в жизни ребёнка, введение ручного труда в учебные планы школы, единодушный призыв к участию школы в половом оберегании юношества и в пропаганде против алкоголизма, важные изыскания патологических

причин детских недостатков, которые требуют «лечебно-педагогического» предупреждения в школьной жизни, и, наконец, проблема малолетних преступников, которые всё настоятельнее требуют более этической гигиены и профилактики — всё это соединяется в то более глубокое и всеобщее чувство педагогической ответственности, которую педагог Трюпер выразил в словах: «Именно ввиду сильного увеличения детской преступности и ввиду необычайного пренебрежения воспитательной деятельности в общественной жизни становится настоятельно необходимым приложить к воспитанию детского этоса по меньшей мере то же научное воздействие и то же практическое попечение, какими пользуются воспитание тела и интеллекта.... Успехи тела и интеллекта не должны считаться преобладающим мерилем при оценке личности воспитанника. Нужно по меньшей мере в той же степени принимать мерилем, а стало быть и целью образования, свойства этоса».

Опасности чисто рассудочного воспитания

Не следует, конечно, умолять значение интеллектуального воспитания, — но должна исчезнуть иллюзия, будто одного его достаточно, чтобы обеспечить моральную культуру. Современные психиатры могут немало порассказать о нередких случаях, когда вполне нормальный, даже сильно развитый интеллект идёт рука об руку с моральным слабумием — достаточное доказательство того, как мало связи между интеллектом и характером. Интеллектуальная культура становится даже абсолютной опасностью для характера там, где она не подчиняется воспитанию совести и воли. Рассудок в этом случае применяется, так сказать, только как воровской фонарь, с целью отыскивать и освещать путь к удовлетворению похоти.

Кто не знает в школе таких духовно-подвижных детей, которым не хватает надлежащего противовеса в воспитании характера, так что их высоко развитой интеллект становится рабом их

капризов, тщеславия и хитрости? Есть над чем подумать, когда американский детский психолог Стенли Холл, отнюдь не реакционер, утверждает, что умножение так называемых вольных дополнительных школ в восточной части Лондона сопровождается умножением тех преступлений, которые вытекают из односторонне развитой жизни рассудка. Конечно, рассудок есть свет и сила, но лишь для того, кто господин над своими страстями и похотями; к другим применимы слова: «Он пользуется им лишь для того, чтобы превзойти животностью всякое животное».

Этические условия интеллектуальной культуры

Освобождение человека от его страстей, укрепление его характера и утончение его совести имеют величайшее значение также для высших функций самого интеллекта: истинно логическое мышление предполагает характер, потому что характер предохраняет наши мысли от определения внешними влияниями и преодолевает все те многочисленные, грубые и тонкие зависимости, которые подчиняют наше мышление мнениям и суждениям наших ближних. Какое воспитание совести предполагает, например, физическое или химическое исследование, сколько тут соблазна отказаться, ради более блестящих результатов, от повторения эксперимента при изменённых условиях.

Уже античный мир, предписывая истинному философу период серьёзного аскетического испытания, совершенно ясно понимал этические условия всякой действительной свободной деятельности разума и знал, что сначала нужно освободиться от всякого субъективного, чтобы быть свободным мыслить действительно объективно. Неподкупное стремление к полной правдивости также является вначале не интеллектуальной, а моральной потребностью. Справедливо говорил великий химик Либих о великой этической страсти к истине, без которой настоящее научное исследование никогда не преодолело бы пре-

пятствий, которые ставят ей интересы минуты и света.

В том же смысле высказался физиолог Дюбуа-Реймон: «Новейшее естествознание отчасти обязано своим происхождением христианству. Грозная серьёзность этой религии сообщила с течением времени человечеству ту меланхолическую, глубоко захватывающую черту характера, которая делала более способным к утомительной работе исследователя, чем легкомысленная жизнерадостность язычества. Влив в человеческую грудь пылкое стремление к абсолютно познанию, христианство искупило этим все свои вины перед наукой».

Шиллер высказывает нечто подобное, говоря: «Лишь суровому рвению, не бледнеющему ни от какого усилия, удаётся слушать журчание глубоко скрытого источника истины». Но это суровое рвение есть этическое и религиозное явление, не присущее интеллекту, как таковому.

Жозеф де Мэстр также заявил, что именно точные науки нового времени питаются этическими силами, которые выдвинула христианская церковь; то глубокое терпение и тщательность, добросовестность и настойчивость в отношении мельчайших деталей — качества, без которых точные науки не могли бы развиваться. Крайняя точность и щепетильность ради своего дела, — всего этого язычество ещё не знало, и потому расцвет точной науки является медленно созревшим результатом свойственной христианству культуры совести.

Итак, без сомнения, высшее воспитание и образование интеллекта невозможно без основательного просветления и укрепления характера. Но всё то, что мы называем «концентрацией» (Konzentration) и что имеет такое решающее значение как для рецептивной, так и для продуктивной работы интеллекта, имеет последнее основание в воспитании воли и может проистекать только из него. На этом основании и в пропедевтиках индийской философии *упражнение воли* играет такую большую роль. Из Индии древние и давно испытанные методы концентрации проникают теперь в западную педагогику, особенно в более тесно

связанную с Индией английскую литературу, как показывает интересная и в высшей степени увлекательная книга Майлса о «Концентрации». В этой книге справедливо подчёркивается также великое значение религиозного идеала для воспитания способности к сосредоточению. То, что всего сильнее отклоняет людей от влияний внешнего мира и от всех внутренних тревог, естественно составляет лучшую школу для всякого рода интеллектуальной концентрации. В этом смысле, вообще всякое укрепление центральной нервной системы против периферических раздражений и, следовательно, всякое нравственное освобождение должно приводить к освобождению мышления от возмущающих влияний. Это может подтвердить всякий опытный педагог: истинная углублённая воспитанием характера дисциплина в классе облегчает ученье и мышление в чрезвычайно заметной степени, тогда как дети, не подвергающиеся никакой серьёзной дисциплине, тотчас поддаются всевозможным внешним и внутренним раздражениям и вследствие этого становятся не способными ко всякой плодотворной работе мозга.

В какой высокой степени основательность здоровья умственной функции зависит от этических факторов и соответственно тому требует правильного морально-педагогического воздействия, высказался недавно также один из представителей экспериментальной психологии Мейман в следующих словах: «Вся наша педагогическая и дидактическая система страдает одним фундаментальным недостатком. Есть ещё много педагогов, лишённых всякого представления о чрезвычайной важности воздействия на жизнь, чувства и волю детей для всей их умственной работы и общего духовного преуспевания. Каждое неправильное порицание, каждое неосновательное недоверие, всякая форма иронического и насмешливого обращения с детьми... Даже отдельное слово, высказанное воспитателем или учителем, может вызвать в жизни чувства и воли ребёнка задержку или депрессию, ведущую за собой продолжительный внутренний ущерб...»

То, что Мейман говорит против грубой и поверхностной педагогики, которая не имеет никакого представления о тонких и сложных этических условиях умственного процесса, естественно, имеет силу и в отношении слабой и сентиментальной педагогики, которая обнаруживает уступчивость к юношеским слабостям, капризам и шалостям, и благодаря этому тоже упускает из вида заботу об этических основах умственной работы.

Образование характера для профессии

Если же школа желает подготовить юношество для профессиональной работы, она должна больше налегать на попечение об этом. Ибо профессиональный успех в высшем смысле в гораздо большей степени, чем принято думать, зависит от этических качеств. Какое множество людей терпят неудачу в своей профессии не потому, что они мало учились, а потому, что им чужда элементарнейшая мудрость в обращении с людьми, что они не научились никакому порядку, никакой пунктуальности, никакой добросовестности в самом и простейшем смысле, что они не умеют ни повиноваться, ни приказывать, и никогда не могли понять, почему, в конечном счёте, честность есть действительно лучшая политика. Как важно было бы основательно разъяснить в старших классах эти отношения между призванием и характером и давать очерк профессиональной этики, который обсуждал бы этические преимущества и этические опасности каждой профессии и приводил примеры профессиональной ответственности. Педагогика профессии, желающая воздействовать таким образом, должна, разумеется, поставить этическую цель очень высоко, она должна понимать под профессиональным образованием не простое *приспособление человека к профессии*, но, по меньшей мере, в такой же степени, *приспособление профессии к высшим требованиям души*. Человек должен брать на себя профессию не пассивно,

как вьючное животное предназначенный ему вьюк, а вникать в профессию активно в нравственном отношении и стараться заставлять материальное и техническое служить духовной жизни. Так, например, купец не должен пассивно подчиняться всем вредным требованиям коллег или клиентов (мода), но со своей стороны содействовать повышению хозяйственной жизни и облагораживанию спроса.

Именно потому, что в годы развития интерес к позднейшей профессии, особенно у юношества из народа, часто уже очень силен, этические поучения и наказания, связанные с профессиональными проблемами, как показал опыт, привлекают гораздо более интенсивное внимание, чем чисто абстрактные наставления. Как духовный учитель относит все этические требования к потустороннему миру, так светский учитель может пользоваться для своих этических наставлений указанием на их будущую полезность не в общих рассуждениях, которые здесь совершенно бессильны, а в форме конкретных примеров. Например, можно указать, к каким тяжёлым последствиям приводят в медицинской профессии малейшая неаккуратность или забывчивость при известных исследованиях, предписаниях или диагнозах. В реальных училищах можно заняться техническими профессиями и пользоваться при этом, между прочим, очень поучительной книгой Крафта: «Этические основы технической работы» (*Die Ethischen Grundlagen der technischen Arbeit*. Leipzig 1902). Крафт упоминает, между прочим, о технике вентилирования шахт, закладки фундамента построек и постройки железнодорожных мостов, и указывает нам, в какой сильной степени достоинства работы зависят не только от технических знаний, но от совести и чувства ответственности инженера — в особенности от его силы характера по отношению к возможному внушению со стороны заинтересованных предпринимателей. Он, без сомнения, прав, и выставленные в качестве предостережения на дворе Цюрихской Высшей технической школы обломки Менхенштейнско-

го железнодорожного моста демонстрируют не только технические недостатки конструкции, но, может быть, в большей степени этические дефекты, которые оказались причиной того, что даже имеющиеся технические знания были не применены вследствие недостатка чувства ответственности и силы характера. Крафт напоминает, например, о социальной важности проведения водопроводов, чтобы показать, в какой высокой степени зависят от техники интересы именно несостоятельных людей. Далее, автор указывает на изготовление пищевых продуктов с его соблазнами, значение контроля по отношению к поставщикам сырья, материалов и др., чтобы обратить наше внимание на то, какое решающее значение имеет нравственная личность техника для действительного культурного успеха техники.

На основании всех подобных рассуждений можно установить совершенно новые мотивы также для «этики школьной работы». Можно показать в свете профессиональной ответственности, даже более глубокой профессиональной мудрости, какое значение имеют для прочного успеха пунктуальность, солидность работы, и как ребячески близорука всякая политика обмана. Какое множество поводов доставляют разнообразные искушения школьной жизни, и как важно заранее связать знание и умение с царством совести.

Гигиеническое значение образования характера

Никакая, хотя бы самая утончённая гигиена, никакая система упражнения мускулов, никакие воздушные и солнечные ванны не могут возместить повреждений нервной системы и всего организма, вызываемых заброшенностью внутренней жизни и бесхарактерностью. Существует новое направление самой медицинской науки, *психотерапия*, которое на основании новых наблюдений освещает старую истину, что благополучие тела в очень существенной степени зависит от концентрации и укрепления воли. Характер — есть средство

отрешения от мира внешних раздражений, характер — есть способ освобождения человека от его чувственного **Я**, характер — есть единство духа вместо разорванности и разлада, характер — есть преодоление всякого рода малодушия и слабости. Какая масса физического и нервного здоровья, сбережения и подъёма жизни заключается в понимании всех этих простых вещей!

Хотя наша техническая цивилизация со всех сторон обложила жизнь подушками и окружила комфортом, тем не менее, люди теперь более, чем когда-либо, страдают под гнётом жизни: против вечного трагизма человеческой судьбы в большом и малом не помогает никакая техническая культура, помогает только культура внутренняя — но она теперь отстала в таких широких кругах, и так много людей оказывается совершенно беспомощными против ударов, превратностей и разочарований существования. Отсутствуют представления, которые когда-то сообщали всякому страданию высший смысл и могли вносить гармонию в дисгармонические впечатления. Оттого такое множество людей не справляются со своими переживаниями, но падают под бременем повседневных столкновений. И немало таких, которые могли бы *под влиянием более высокого понимания жизни* извлечь цену препятствиям и поражениям, достигнуть более глубокого самопознания и внутренней зрелости, но вместо этого хватаются теперь за самоубийство или попадают в лечебницы для нервно больных. «Да насытит меня Господь хлебом, орошенным слезами», — говорит Фома Аквинский, — «и даст мне испытать полную чашу слёз». Люди, которые могут так молиться, которые могут сами накликать на свою голову бедствия, чтобы испытать страдания, — такие люди не спасают перед земной жизнью со всей жестокостью её страданий. Напротив, современный, направленный на внешнее, «человек земной жизни» («Disseitsmensch») довольно скоро пасует со своими «утверждениями жизни», как только жизнь предъявит действительно тяжёлые требования его терпению, его вну-

тренней дисциплины и энергии его характера. Но кому дорого душевное блаженство, кто служит высочайшему благу внутреннего человека, тот носит в себе самую мощную защиту против всех разочарований, власть внешних вещей над его внутренним миром сломлена. Сюда относятся также слова одного средневекового мистика: нужно любить даже препятствия своим предприятиям, т.к., видимо, именно в этих препятствиях заключаются средства повышения личной силы или содержится предостережение против высокомерия или побуждение к самому испытанию. Все подобные заявления вытекают из основного воззрения, которое усматривает во внутреннем совершенствовании истинный смысл жизни и подчиняет ему все остальные цели. И именно это основное воззрение, которое одно сообщает истинное мужество по отношению к жизни, утрачено в настоящее время широкими кругами нашего молодого поколения. Здесь лежит и глубочайшая причина *школьных самоубийств*. Все остальные причины не сделались бы в действительности причинами, если бы не утрата этого противовеса в душах, этой внутренней силы сопротивления тяжёлым переживаниям юношеского возраста. Или не видим мы, что всюду, где разрушен храм совести, приходится воздвигать лечебницу для нервных больных?

Мы говорим здесь, главным образом, о болезненной неспособности к сопротивлению тяжёлым переживаниям. Неспособность этически неразвитого и не укрепленного человека поглощать и преодолевать тягостные впечатления и раздражения сказывается далее и в отношениях человека к человеку. В настоящее время многим не хватает высших этических представлений и вспомогательных средств, которые дают нам возможность выносить своих ближних и правильно обращаться с ними: люди «действуют друг другу на нервы» и расстраивают друг другу нервы, так как любовь и терпение перестали действовать как живые силы, вносящие элемент успокоения и заступничества в отношении человека к человеку. Нет высших мотивов в отношениях

между людьми. Отсутствует, например, то глубокое сознание ответственности, которое заставляет нас чувствовать, что душа другого вверена нам для того, чтобы мы пробудили дремлющее в ней благо, а не зло. Все эти составные части высшей внутренней культуры остаются ныне во многих кругах не развитыми; к особенностям ближнего относятся исключительно с точки зрения раздражительного отрицания и нервной нетерпимости и доводят друг друга положительно до болезни. Так люди изводят друг друга и в профессиональной жизни: они душевно не приспособлены более к конфликтам и затруднениям, возникающим при совместной работе людей разного темперамента.

Сколько случаев к современному предупреждающему воспитанию души в отношении этих проблем доставляет именно тесная совместная жизнь школьников и как важны были бы такие воздействия не только для подготовки к позднейшей жизни, но и для надлежащего оберегания многих раздражительных и отягченных патологическими задатками нервных систем учеников!

Гигиеническое значение образования характера вообще обнаруживается во всем своём значении — как профилактическом, так и терапевтическом — там, где дело идёт о более или менее сильных или слабых патологических задатках. Не случайно одна из самых распространённых новейших книг о самовоспитании написана врачом по нервным болезням Дюбуа (Берн), который за время своей практики убедился, как много нервного вырождения в наше время связано с моральной незнательностью и в какой значительной степени задатки нервного расстройства могли бы остаться в скрытом состоянии, если бы мы были охранены более высоким пониманием жизни вместо чрезмерной уступчивости нашим капризам и притязаниям. Напротив, потакание и притворство самому себе, дряблкое несопротивление внешним и внутренним раздражениям не только удручает окружающих, но и ведёт к разрастанию всех скрытых патологических тенденций в нас самих.

Лечебная педагогика (Heilpädagogik) и моральная педагогика

Растущее понимание гигиенического и терапевтического значения этических воздействий вызвало в новейшее время более тесную совместную работу врачей и педагогов. Этой совместной деятельности обязаны мы «лечебной педагогике» — в высшей степени важным дополнением к так называемой «педагогической патологии». Цель последней, как известно, обратить внимание педагогов на патологические причины известных детских недостатков и извращений. Конечно, воспитатель должен знать патологические препятствия, но не считать их непреодолимым роком, а пытаться пустить в ход, путём упражнения и деятельности, здоровые силы и тенденции, имеющиеся и у такого ребёнка. Всякое постоянное напряжение воли, всякое укрепление характера оказывает целебное и предохраняющее действие в этом направлении. Таким способом энергия духа пускается в ход против телесных и нервных состояний. Просветлённый характер есть во многих отношениях лучшая нервная лечебница! Справедливо говорит Леви в своей книге о «естественном образовании воли»:

«В наше время вообще не занимаются более образованием характера, а между тем, достаточно посмотреть вокруг себя, чтобы убедиться в значении прочно заложенной морали для нашего организма. Именно боязливые, робкие и мало способные к сопротивлению личности должны учиться желать, так как у них самое лёгкое потрясение уже оказывает глубокое действие на нервную систему...»

Школа, которая именно в годы развития почти целиком забирает в свои руки подрастающих граждан и оказывает глубокое влияние на всю их душевную жизнь, должна поэтому выполнить «лечебно-педагогическую» миссию высокой важности: должна посредством энергичнейшего использования всех представляющихся ей случаев воспитания характера заложить этические основы физического и нервного здоровья.

И притом не только в смысле предупреждения, но и непосредственно для терапевтических целей. Если даже мы дойдём когда-нибудь до того, что все очень «плохие» в моральном и умственном отношении дети будут помещаться в вспомогательные школы, то всё же в каждом классе всегда останется достаточно элементов, у которых наблюдается временное или постоянное подобное расстройство. Для правильного обращения с этими элементами требуются, по лечебно-педагогическим основаниям, учителя, которые подготовлены к тому, чтобы воздействовать на характер и противопоставлять детским извращениям, слабостям и причудам действительно воспитательное влияние, а не простую механическую дисциплину.

Во всех сочинениях лечебно-педагогических практиков необходимо подчёркивание того, что открытие патологических причин определённых детских недостатков отнюдь не обязывает нас относиться к таким детям только с медицинской точки зрения, но что именно здесь обращение к воле, надлежащее возбуждение моральных сил, укрепление чувства ответственности посредством постепенного расширения круга обязанностей, наконец, также успокаивающее и освобождающее разъяснение тяжёлых жизненных испытаний и конфликтов имеют решающее значение.

Приведём только один пример: как много может помочь педагогически образованный учитель заикам, если таковые окажутся в его классе, путём возбуждения силы воли! Один специалист в этой области высказал недавно следующие поучительные замечания о морально-педагогическом отношении к заиканию:

«...Так как эти дурные привычки укореняются обыкновенно в течение многих лет, то и восстановление правильного произношения требует часто целого ряда лет и возможно только в связи со строгим *воспитанием самообладания и воли*. Всё, что побуждает добиваться господства головного мозга над периферическими нервами, окажется полезным заикам также в отношении их произношения».

Как важно именно для патологически отягченных детей, чтобы учитель планомерно и бережно использовал многочисленные случаи для упражнения воли, доставляемые школьной жизнью, подчёркивает, между прочим, также Геллер в своей «Лечебной педагогике» и в позднейшем произведении, где он обсуждает так называемую «психастению», типический недостаток многих детей, происходящих от родителей-алкоголиков: они не в состоянии преодолеть минутных чувств неудовольствия и остаются поэтому в состоянии роковой слабости воли по отношению ко всем более тяжёлым требованиям жизни. Здесь Геллер советует поощрение самоопределения с живым одобрением хотя бы малейшего триумфа над природными препятствиями. По этому поводу можно также указать, что так называемая «абулия», болезнь воли, обнаруживается не только в неспособности осуществить определённое действие наперекор всем противодействующим неприятным чувствам, но часто также, именно у нервных, и в неспособности окончить начатую деятельность в надлежащий момент. Такие натуры не выносят строгого подразделения времени, никакой пунктуальности, так как вовремя перестать для них, пожалуй, ещё труднее, чем вовремя начать. Здесь приучение к пунктуальности — правильный вспомогательный метод, для которого опять-таки школьная жизнь и школьная работа доставляют наилучшие случаи. Нужно только без педантической строгости заинтересовать детей аккуратным, минута в минуту, исполнением всех сроков и усилий в повседневной жизни. Это уже потому весьма важно для нервных детей, что, благодаря «неспособности перестать», постоянно урезывается время для других обязанностей, отчего возникает спешка, чрезвычайно вредная именно для патологических натур. Из этого примера видно, какое широкое значение имеет истинно-педагогическое трактование проблемы школьной дисциплины.

Но именно для патологически раздражительных и ослабленных нерв-

ных систем очень важно, чтобы всякое этически дисциплинирующее воздействие действовало не механически извне, посредством простого нравоучения и исправления, посредством возбуждающей страх системы наказаний или насмешки и сарказма, а *любознательным вниканием в здоровые интересы детей*, то есть посредством педагогики поощрения и такого рода твёрдости, которая вытекает из целесознательной любви, а не из полицейской строгости. Именно у нежно организованных, нервных и отчасти испорченных детей часто имеются очень тонкие этические задатки. Если такие дети попадут в руки грубого воспитателя, он может, сам того не сознавая, причинить им моральный и физический вред; если они попадут в руки слабого воспитателя новейшей школы, который не будет оказывать вообще никакого последовательного сопротивления их своенравию, то болезненные стороны совершенно поглотят здоровые; если же они окажутся в руках истинного «психолога», который старается воздействовать на душу из центра душевности и чья дисциплина вытекает из серьёзной самодисциплины, то всё здоровое и сильное в их натуре может сосредоточиться и превратиться в действительную защиту против возмущающих факторов. Ввиду этой огромной ответственности перед всеми патологически угрожаемыми или затронутыми элементами в современном школьном мире тщательная морально-педагогическая подготовка современного учителя в высшей степени желательна: всякая более или менее глубокая этическая педагогика является в то же время лечебной педагогикой.

Окидывая общим взглядом эти лечебно-педагогические проблемы, мы ясно видим: школа представляет для серьёзного воспитателя совершенно исключительные возможности образующего характера воздействия; к сожалению, — она представляет для тупицы такие же возможности губить души, ожесточать и портить способные к образованию характеры.